

Глядя на оживленного Бай Шу, Хан Сиэнь никак не мог взять в толк, с чего бы тому раз за разом перелезать через стену его усадьбы. Они ведь едва знали друг друга. Неужели этот парень действительно считал его красавцем?

По бесстрастному лицу Хан Сиэня невозможно было угадать его мысли. Впрочем, Бай Шу это мало заботило — он отлично помнил, зачем пришел. Выложив на стол аккуратный сверток с картиной, он уставился на хозяина двора ясным, открытым взором.

— Хан Сиэнь, это я сам нарисовал. Тебе подарок!

Хан Сиэнь лишь мельком взглянул на свиток.

— Мне это не нужно, — отрезал он холодным тоном.

Бай Шу опешил от такого ледяного тона. Поняв, что подарок пришелся не по душе, он смущенно прижал пальцы к краю свертка и тихо пробормотал:

— Прости, я не знал... В следующий раз нарисую что-нибудь другое.

Смущаясь, юноша принялся невольно тереть ладони. Хан Сиэнь заметил на его светлых пальцах следы свежей туши — она даже не успела толком высохнуть.

«Похоже, едва закончил работу, как сразу побежал сюда. Так искренне радовался, так хотел показать... И даже теперь, получив суровый отказ, он не затаил обиды — лишь решил, что если эта картина не пришлась по вкусу, надо просто нарисовать другую»

Хан Сиэню претило разгадывать чужие намерения, поэтому он спросил напрямую:

— Чего ты от меня хочешь?

Бай Шу поджал губы и несмело произнес:

— Я... просто хочу с тобой подружиться.

«Хочу быть твоим другом!» — звенело в его душе так отчетливо, что Хан Сиэнь без труда расслышал этот безмолвный порыв.

Хан Сиэнь на мгновение застыл, прищурился, а затем негромко рассмеялся. За те десять лет, что он провел в заточении — долгих, бесконечных, будто целая жизнь, — его душа успела иссохнуть. К тому же он дважды умирал в этом мире и дважды возрождался, так и не сумев упокоиться навстречу вечности. Сердце его давно состарилось.

В этой жизни он лишь играл роль перед окружающими. Ему хотелось только одного — тихо провести отмеренный срок и сгинуть без следа, испив на мосту отвар матушки Мэн, чтобы стереть из памяти все былые невзгоды.

Он никогда не помышлял о дружбе. Тем более с таким наивным, чистым ребенком. Хан Сиэнь смеялся долго, а Бай Шу все это время преданно смотрел на него, крепко сжимая свиток. Когда смех наконец затих, гость робко спросил:

— Тебе ведь грустно. Зачем тогда смеешься?

Отвечать на столь пронизательный вопрос Хан Сиэнь не собирался.

— Подожди здесь, — бросил он и скрылся в доме, оставив растерянного юношу стоять на пороге.

Вскоре он вернулся, держа в руке два серебряных слитка. Вложив их в ладонь Бай Шу, он произнес ровным, безэмоциональным тоном:

— Мне не нужны друзья, да и сам я дружить не умею. Здесь твой долг, возвращаю сполна. А второй слиток — плата за твою картину. Считаю, что я её купил. Больше не смей перелезть через мою стену.

Равный обмен. Отныне они квиты.

Бай Шу растерянно уставился на холодный металл. Хан Сиэнь уловил волну горечи, поднимающуюся в чужой душе, но ему было все равно. Он не дорожил собственной жизнью — с чего бы ему заботиться о чувствах едва знакомого прохожего?

Юноша молчал, и хозяин дома не нарушал этой тишины. Будь перед ним хитрый лицемер, Хан Сиэнь с удовольствием разыграл бы перед ним очередной спектакль — притворства ему было не занимать. Но чистота Бай Шу пугала и отталкивала. Связываться с ним не хотелось, а вести фальшивые беседы — тем более.

Однако не успел Хан Сиэнь укрепиться в этом решении, как в его голове отчетливо прозвучал чужой мысленный монолог:

«Брат всегда учил: видишь притворщика — бей в морду. Этот парень сейчас улыбался так фальшиво... Может, врезать ему? Но у меня ведь сила огромная, вдруг с одного удара убью? Как быть? А если не насмерть, а калекой сделаю? Тоже нехорошо получится...»

Лицо Хан Сиэня слегка одеревенело. Он с подозрением уставился на округлые, по-детски пухлые щеки Бай Шу. С виду — сущий ангел, а в голове — сплошной мордобой и кровопролитие.

Обладая способностью читать мысли, Хан Сиэнь меньше всего ожидал столь грубого просчета. Он-то полагал, что перед ним безобидный пугливый кролик, а тот оказался кровожадным зверем с явными садистскими наклонностями.

Они молча мерили друг друга взглядами. Борьба, бушевавшая в душе Бай Шу, явственно отражалась на его выразительном лице. Хан Сиэнь с любопытством наблюдал за его терзаниями, переводя взор с мягких щек на широко распахнутые глаза.

В конце концов Бай Шу со вздохом отказался от затеи проучить наглеца:

«Ладно, он слишком красив. Если побью его, вся красота сойдет. Да и не в духе он сегодня, пришел не вовремя. Загляну лучше в следующий раз, тогда и подружмся»

Приняв это решение, юноша мгновенно повеселел. Он аккуратно положил картину и серебро обратно на стол и негромко произнес:

— Пусть все у тебя остается. Я пошел.

С этими словами он ловко взлетел на стену и скрылся за пределами двора Душистых Орхидей.

Явился как ураган и умчался так же стремительно.

Хан Сиэнь остался стоять в одиночестве, вновь поймав себя на мысли, насколько непредсказуем и широк этот мир.

На деревянной столешнице лежали невогребованные плитки и свиток, небрежно перевязанный тонкой алой нитью. Стоило Хан Сиэню слегка коснуться узла, как шелковый шнурок соскользнул. Порыв ветра подхватил край бумаги, медленно разворачивая картину. На холсте проступил его собственный портрет — осунувшееся, бледное лицо и холодный, пронзительный взгляд.

Портрет дышал поразительной живостью. Хан Сиэнь вспомнил, как настойчиво Бай Шу твердил про себя о его красоте. Прежде он полагал, будто у парня какое-то искаженное восприятие или он видит мир сквозь розовые очки. Но, судя по рисунку, юноша не пытался его приукрасить: он запечатлел каждую черточку его изможденного лица. Неужели в глазах этого чудака подобная невзрачность и впрямь считалась верхом изящества?

Оборвав непривычные для себя праздные размышления, Хан Сиэнь покачал головой и аккуратно свернул холст. Эти вещи принадлежали Бай Шу. Рано или поздно их придется вернуть, так что выбрасывать их он не имел права.

Вскоре мысли о странном госте выветрились из его головы — в дворе Душистых Орхидей

закипела работа по обустройству собственного небольшого кухонного очага. Строительством занимались все те же расторопные слуги клана Хань.

Хан Сиэнь поручил надзор Ань Цао. Парень подошел к делу со всей ответственностью. Понимая, что нанимать посторонних мастеров со стороны не стоит, он набрался смелости и отправился на доклад к герцогу Хан Чжо, невзирая на риск навлечь на себя его грозный гнев. Суть просьбы сводилась к следующему: здоровье молодого господина слишком слабо, его желудок не принимает обычную пищу, а носить блюда из главной кухни далеко и неудобно. Было бы куда разумнее обустроить отдельный очаг прямо в его дворе.

Герцог, разумеется, поначалу выказал недовольство. Ань Цао пришлось простоять на коленях добрых полчаса, прежде чем Хан Чжо, изобразив на лице глубокое отцовское сострадание, со вздохом уступил и отдал необходимые распоряжения. Это решение вызвало волну пересудов в женской половине поместья и даже дошло до старой госпожи Хань, однако герцог лично пресек все недовольства.

Вскоре по герцогскому поместью поползли слухи о том, насколько нежно и преданно отец заботится о своем больном наследнике. На сей раз никто даже не заикнулся о былом высокомерии и капризах Хан Сиэня.

С появлением собственного очага жизнь усадьбы заметно упростилась. Хан Чжо порывался нанять для сына опытную кухарку из пожилых служанок, но Хан Сиэнь наотрез отказался. Би Хуа отлично справлялась со стряпней, поэтому заботу о столе временно переложили на ее плечи.

Время текло своим чередом. Накануне празднования дня рождения вдовствующей императрицы усадьбу вновь посетил лекарь Чжоу. Проверив пульс Хан Сиэня, он с немалым облегчением сообщил герцогу, что состояние юноши полностью стабилизировалось и тот вполне способен перенести пышное торжество. Лекарь также вскользь упомянул, что Его Величество неустанно справлялся о здоровье молодого господина и наверняка обрадуется столь благополучному известию.

Столь прозрачный намек не укрылся от внимания Хан Чжо. Сияя от радости, он проводил лекаря за ворота и тут же велел Хан Сиэню готовиться к завтрашнему выезду во дворец.

Поскольку до последнего момента никто не знал, позволит ли здоровье наследника выдержать многочасовые дворцовые церемонии, правилам этикета его обучить не успели. Пришлось спешно, на скорую руку растолковывать ему тонкости придворного ритуала.

Заметив, что сын слушает его наставления вполуха, Хан Чжо обреченно вздохнул:

— Ладно. Завтра бабушка поведет вас на поклон к Ее Величеству. Просто держись рядом с бабушкой и делай то же, что и она.

Новость о том, что Хан Сиэнь едет во дворец, мгновенно всколыхнула женскую половину дома. Пока наследник числился тяжелобольным, на всех придворных приемах его заменял Хан Юэвэнь, а освободившиеся места в семейной делегации делили между остальными родственниками.

Число приглашенных от каждого благородного дома строго регламентировалось императорской канцелярией. Нельзя было просто взять и привести с собой всех сыновей, дочерей и гээров.

Герцогскому дому выделялось щедрое количество мест, однако клан Хань состоял из трех ветвей, и при дележе квот неизбежно вспыхивали споры. Поскольку теперь в список вернулись Хан Сиэнь и Хан Минчжу, остальным домочадцам пришлось потесниться, что породило новую волну скрытой вражды.

Хан Сиэнь как законный наследник занимал свое место по праву. Хан Минчжу, старшая законная дочь герцога, также не могла остаться в стороне. Хан Юэвэню, сыну госпожи Лю, тоже полагалось представительство. Разумеется, в первую очередь места распределялись среди членов главной ветви под началом Хан Чжо. В результате младшие ветви семейства оказались обделены.

Лишь теперь боковые ветви клана Хань сполна ощутили суровую истину: это герцогское поместье принадлежало герцогу Хан Чжо и его наследнику Хан Сиэню. Сами же они, прикрываясь громкими именами законных детей великого рода, оставались по сути приживалами, которых терпели лишь из уважения к старой госпоже Хань.

Когда ее не станет и придет пора делить имущество, они превратятся в обычных провинциальных родственников, лишившись всякого отношения к величию герцогского титула.

Впрочем, возня вокруг дворцовых приглашений нисколько не заботила Хан Сиэня. Куда больше его занимал Бай Шу, который с каждым днем казался ему все более любопытным персонажем.

За прошедшие дни этот неугомонный гость объявлялся в дворике Душистых Орхидей еще несколько раз. На сей раз он обошелся без портретов, зато приносил дешевые иллюстрированные романы. Бай Шу рассудил просто: запертый в четырех стенах Хан Сиэнь наверняка изнывает от тоски и предается мрачным думам, а чтение занимательных историй поможет ему развеяться.

Книги он выбирал по совету лавочника — самые популярные и раскупаемые. Разумеется, это были слащавые любовные истории о талантливых ученых и прекрасных девах.

Чтобы удержать интерес читателей, эти романы выпускались частями. Хан Сиэнь, к собственному удивлению, умудрился от корки до корки прочесть эти лишенные всякого изящества, написанные простым языком книжонки с незамысловатым сюжетом и легким налетом пошлости, которые благородные дома обычно презирали.

Стоило ему закончить одну часть, как Бай Шу тут же доставлял продолжение. Так продолжалось до тех пор, пока история наконец не подошла к финалу.

Хан Сиэнь ума не мог приложить, почему юноша столь упрямо навязывал ему свою дружбу. Тот полностью игнорировал любые отказы, втайне жалел его, но при этом с завидным постоянством размышлял о том, как бы поэффективнее избить своего новоявленного друга и по каким местам удары придутся больнее всего.

К счастью, дальше этих кровожадных фантазий дело ни разу не заходило.

При воспоминании об этом Хан Сиэнь недовольно нахмурился. Похоже, решение взять у Бай Шу серебро, чтобы насолить мачехе и отцу, было едва ли не самой большой ошибкой в его жизни.

<http://bllate.org/book/20088/2001982>